

УДК 94:316.663 – 055.2 (47+57) «18/19»

Социальный портрет публичной женщины XIX – начала XX века на примере материалов Енисейской губернии

Д.Н. Матвеева^a, Н.Л. Хаит^b

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный 82а, Красноярск, Россия

^ad.n.matveeva@mail.ru, ^bnkhait@yandex.ru

Статья поступила 19.04.2019, принята 28.05.2019

В статье рассматривается вопрос о легализованной проституции, ее социальном облике в рамках повседневности в Сибири. На основании архивных данных формируется портрет женщины, промышляющей развратом. Путем анализа врачебно-полицейских ведомостей и материалов периодической печати выявляются основные черты, характерные для этой социальной группы. Аспекты, раскрывающие общественную оценку данной категории населения, касаются как социальных, так и экономико-политических факторов в ретроспективе.

Ключевые слова: девиантное поведение; проституция; публичные женщины; Российская империя; Сибирь; Енисейская губерния.

Social portrait of a public woman of the XIX – early XX centuries on the example of materials of the Yenisei Province

D.N. Matveeva^a, N.L. Khait^b

Siberian Federal University; 82a, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

^ad.n.matveeva@mail.ru, ^bnkhait@yandex.ru

Received 19.04.2019, accepted 28.05.2019

The article deals with the issue of legalized prostitution, its social appearance in the framework of everyday life in Siberia. On the basis of archival data, a portrait of a woman who is engaged in debauchery is formed. By analyzing the medical and police registers, the periodical press, the main features characteristic of this category of the population in the Yenisei Province is identified. The aspects that reveal the social portrait of this category of population relate to both social and economic and political factors in retrospect.

Keywords: deviant behavior; prostitution; public women; Russian Empire; Siberia; Yenisei Province.

В настоящее время в исторической науке наблюдается активность в изучении феномена проституции в исторической ретроспективе. Интерес к проблемам женщин является насущным, и поэтому решение наметившихся проблем в современном обществе требует учета опыта, связанного с наличием проституции в дореволюционной России.

Целью статьи является рассмотрение феномена проституции на примере материалов Енисейской губернии. Локальный исторический опыт является уникальным, поскольку в Сибири как месте ссылки «женский вопрос» приобрел особое значение.

Тема проституции позволяет выявить многие закономерности социокультурного облика страны, морально-нравственные представления насе-

ления, стереотипы сознания людей, которые показывают отношение общества к женщине.

В источниковую базу работы введен комплекс архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, законодательство Российской империи, материалы периодической печати и статистики, а также научно-справочная литература. Источники по данной теме можно разделить на следующие типы: делопроизводственные документы, законодательные акты и научные публицистические произведения медицинского характера.

Исследование такого сложного явления, как проституция, требует от исследователя выработки более широкой методологической основы, что невозможно осуществить без привлечения методов других наук, например, математических методов,

социологии, урбанистики и демографии. Стоит отметить, что на современном историографическом этапе наблюдается преобладание социологических подходов к изучению данной темы.

Известно, что в XIX—начале XX вв. в Российской империи происходила модернизация в обществе, наблюдались прогрессивные сдвиги в экономическом аспекте, но в структурной жизни общества оставались явления и формы девиантного поведения, среди которых особое место принадлежит проституции. В изучаемый период проституция прошла путь своей институционализации и обретения особого места в жизни города, став частью повседневности.

Ко времени регламентации сложилось деление проституции на официальную (явную или поднадзорную) и на тайную. Данная типология характерна для полицейских и врачебных ведомостей. Места для проведения сексуальных свиданий также имели свою стратификацию: это были публичные дома, где «торговля развратом» была разрешена законом, и различные тайные квартиры, где проституция не была явной, а скорее являлась маскируемой услугой. Например, публичные женщины могли оказывать услуги под видом благовидных занятий, выдавая себя за арфисток, певиц или модисток [1].

Практически все публичные дома в Красноярске располагались на ул. Садовой, они были перенесены туда с ул. Малокачинской в 1878 г. [2]. В 1908 г. в красноярском полицейском управлении было зарегистрировано восемь домов терпимости, их содержали представительницы мещанского или крестьянского сословия [3].

В публичных домах Енисейской губернии преобладали молодые девушки, что связано с большим спросом на них у посетителей. Содержательниц публичных домов привлекало отсутствие у молодых особ жизненного опыта. Зачастую в ряды проституток попадали крестьянки, которые приехали в город в поисках лучшей жизни, но не смогли найти постоянную работу [4]. Стоит отметить, что количество занимающихся «ремеслом разврата» в Сибири существенно пополнилось к 1910 г., что обусловлено проведением столыпинской аграрной реформы и новой волной переселенческого движения. Бывшие крестьянки, которые не смогли влиться в городскую жизнь и найти себе работу, были вынуждены заниматься проституцией.

Учет явных проституток осложнялся тем, что их контингент постоянно менялся. Бывали случаи, когда проститутка, зарегистрированная в доме терпимости, пропадала на несколько месяцев. Ее вычеркивали из списков, на ее место приходила новая, а позже она снова объявлялась также в статусе явной.

Произвол хозяек в отношении своих подопечных не знал границ. Плохо продававшие себя женщины жестоко наказывались, их избивали розгами, мазали дегтем, вываливая в перьях, топили в реках, били камнями [5]. Побои и бесчеловечное отношение к ним практиковалось почти всеми содержателями домов. Факты свидетельствуют о том, что за 7–8 мес. на один публичный дом приходилось до шести смертей от чахотки, повешений и отравлений [6]. В газете «Врач» указывается, что «из-за грубости хозяев начинаются перебежки от одного хозяина к другому, от одного дома к другому. Это более поддерживает возникший беспорядок и вносит его даже во врачебную часть» [7].

В Положении об организации надзора за городской проституцией в империи за 1903 г. указывалось, что женщины, занимающиеся тайным развратом, должны привлекаться чинами полиции к секретному надзору [8]. В Енисейской губернии существовали проблемы по надзору за тайной проституцией — ее было сложно контролировать. Городовые врачи в своих отчетах упоминают о том, что большинство населения заражается сифилисом из-за большого распространения тайного разврата в губернии. Местами свиданий могли служить кабаки, пивные, лавки, трактиры, бани [9].

Женщины вольного поведения, занимающиеся тайной проституцией, могли быть прислугой — эта категория населения часто меняла место жительства, и их учет был фактически невозможен по причине этого обстоятельства [10].

Архивные данные о численности проституток, составленные разными инстанциями, не совпадают. Данные врачей и полиции могут быть завышены, а количество публичных женщин в отчетах губернаторов сильно занижено. Эта тенденция может быть связана с различными целями учета: для врача это отчет о работе, а для губернатора — перспектива работы, которая нуждается в государственном финансировании. Кроме того, полицейские чины обязаны были фиксировать не только явных проституток, но и тех, кто был заподозрен в разврате, что значительно увеличивало круг лиц, которые могли быть причислены к данной категории в отчетах и ведомостях. Например, в 1861–1862 гг. в Красноярске насчитывалось до 200 зарегистрированных девиц легкого поведения, но их действительное число было не менее 500 (при общей численности женского населения 4 600 чел.) [11].

Каков же социальный портрет женщины, «промышляющей развратом»? Поражает ранний возраст женщин, задействованных в рынке сексуальных услуг. По данным Н.К. Мартыненко, в России количество женщин в возрасте 16–17 лет, занимающихся вышеуказанной деятельностью,

составляло 15,9 %, в возрасте 16–21 года – 77 %. Проститутки от 40 лет и выше встречались повсеместно [12]. В XIX в. 16-летний возраст считался наименьшим для внесения женщин в списки проституток. С XX в. возрастной ценз был повышен до 18 лет, поэтому женщины, не достигшие этого возраста, не допускались к внесению в списки лиц, промышляющих развратом. Если они все-таки были уличены в этом полицией, то передавались на попечение родственников или благотворительных учреждений. Согласно упомянутому выше Положению женщины допускались в дома терпимости только по достижению 21 года [13].

Распределение женщин в Красноярском округе по возрастному признаку в 1871 г. происходило следующим образом (см. диаграмму) [14].

Рис. 1. Распределение публичных женщин по возрасту в Красноярском округе за 1871 г.

Самая возрастная проститутка, зарегистрированная полицейскими органами в Красноярском округе в 1871 г., – Марья Колпова из д. Малонахвальской. Ей было 54 года [15].

Стоит отметить, что количество женщин, «промышляющих развратом» в разных селениях, всегда изменялось в зависимости от времени года и других условий. Например, в Красноярске проституцией занимались преимущественно сельские жительницы [16]. Во время сельскохозяйственных работ они отправлялись в деревни. Многие одиночки из сельской местности «промышляли развратом» на территории других деревень, что также усложняло работу врачей и полицейских, которые вели учет. Например, Аграфена Красулина и ее 20-летняя дочь Пелагея проживали в д. Крутой, но по стечению обстоятельств были зарегистрированы полицейскими органами на территории д. Емельяновой, которая соседствовала с д. Крутой [17].

В приенисейских городах также имела место детская проституция. Например, в газете «Енисей» сообщалось: «В Красноярске, в портерной Азимова на Новокузнецкой улице работала девочка 14 лет, хозяин которой, похитив ее у пьяницы-отца, принудил заниматься проституцией». В таких условиях ребенок долго не выдерживал и

умирал [18]. Если же смерть не наступала девочку, то через несколько лет, по наступлению совершеннолетия, она переходила в статус бланковых, а на ее место хозяева пивных или иных заведений искали новых несовершеннолетних детей.

Стоит также отметить статью Г.А. Вяткина в «Сибирской жизни» (1918), на нее в своей работе делает ссылку В. Стасов. «Жертвы улицы» – именно такое название носила статья-исследование, которая рассказывала о детской проституции в Томске. Г.А. Вяткин пишет: «Мы, взрослые, делаем политику, ставим и низвергаем кабинеты, меняем синих жандармов на красных и точно рубим тот лес, щепками которого являются несчастные дети. Они переживают похмелье во чужом пиру, и притом очень тяжелое» [19].

Заниматься проституцией могла любая женщина, достигшая совершеннолетия. Она получала в полицейском управлении медицинский билет и обязана была являться с ним на еженедельные осмотры. В случаях, когда желание заниматься проституцией изъявляла замужняя женщина, она обязательно приносила в полицейское управление письменное согласие мужа [20].

Таким образом, данные за 1871 г. показывают, что по деревням Красноярского округа преобладающей группой были девушки в возрастном интервале от 20 до 25 лет. Это могло обуславливаться наибольшим спросом на молодых девушек, а также тем, что девушки в этом возрасте не могли найти себя в определенном виде занятости и были вынуждены искать средства для существования.

В Российской империи наибольшее число публичных женщин по сословному признаку приходилось на крестьянское сословие, второй по численности категорией было мещанство, и наименьший процент давали выходцы из духовенства и дворянства. В Красноярском округе было несколько иначе. Выходцы из крестьянского сословия также составляли наибольшую долю, а вот второй группой по количественному составу были ссыльнопоселенцы. Это обуславливалось их экономическим положением: многие из ссыльнопоселенцев не могли найти себе работу в условиях Сибири. Среди этой категории были нередки случаи, когда в проститутки попадали женщины, находящиеся в кровном родстве – мать и дочь, сестры и т.д. [21]. Старшие в таких случаях нередко выступали как сутенерши и получали доход с интригуемых лиц.

Отмечается также, что по округам Енисейской губернии проституция имела особое распространение на золотых приисках, в особенности в селениях, располагающихся на пути к приискам. Там была особенно распространена тайная проституция [22]. Отхожий промысел создал значительный по своему количеству контингент

чернорабочих, которые не имели семей. Они вынуждены были жить в грязных и тесных казармах, где отсутствовали всякие признаки гигиены. В Енисейском округе на 22573 мужчины приходилось всего 3 564 женщины [23], при этом женщины жили в общих казармах с мужчинами. В таких условиях начинала процветать как тайная, так и явная проституция.

Таблица 1

Распределение публичных женщин по сословной принадлежности в Красноярском округе, 1871 г. [24]

Сословная принадлежность	Количество	%
Крестьянские жены	14	13
Крестьянские дочери	38	36
Крестьянские вдовы	5	4
Мещанские дочери	1	0,9
Поселенческие жены	8	7
Поселенческие дочери	23	21
Поселенческие вдовы	3	2
Солдатские жены	5	4
Солдатские дочери	1	0,9
Солдатские вдовы	7	6
Всего	105	100

Что касается внешнего вида и поведения публичной женщины, то об этом весьма красноречиво писали не только журналисты различных сибирских газет, но и врачи, которые, помимо обычного приема больных, вынуждены были находить время на осмотры «промышленявших развратом» женщин из города и губернии. Так, например, врач Красноярской городской больницы в своем рапорте на имя губернатора пишет о том, что проститутки буквально вваливаются в больницу, рассаживаются по койкам больных и со всей своей грацией, с папиросами, некоторые даже пьяные, вносят шумный разгул в мирное течение больничной жизни: «Они кричат, хохочут, курят и, как я помню случаи в Иркутске, происходят даже драки» [25].

Такое поведение может быть обусловлено и тем, что соблюдавшиеся в Европейской России правила относительно запрета продажи спиртных напитков в домах терпимости и вообще в заведениях, где оказывают данный вид услуг, как будто не затрагивали Енисейскую губернию и Красноярск в частности. В 1890 г. в домах терпимости в Енисейске вполне свободно шла торговля спиртными напитками, содержались «бильярды», разного рода игры, и даже было предусмотрено музыкальное сопровождение. А в Красноярске, как отмечал местный полицеймейстер, продажа алкогольных напитков на территории домов терпимости и вовсе покровительствовалась думой «исключительно ради доходов в пользу города» [26].

Такого рода попустительства со стороны правительства губернии можно объяснить лишь тем, что в 1881 г. в Красноярске был большой пожар, и все циркуляры с правилами и постановлениями в этой области, которые направлялись из центра в губернию, были утеряны. Также стоит сказать, что данные правила касались лишь административных мер и распоряжений, носили скорее рекомендательный характер для местных властей, а потом они терялись в архивах и фактически до 1890-х гг. в губернии они не были актуальны в полной мере.

В Красноярске случались обращения на имя губернатора с просьбами убрать «дома непотребства» с ул. Садовой. Это обуславливалось тем, что количество проживающих на этой улице увеличивалось, и к началу XX в. она представляла собой хорошее место для торговли, считалась одной из лучших частей города. Люди, которые обращались с просьбой о переносе домов терпимости с ул. Садовой на окраину города, утверждали, что нужно «нравственно оздоровить» этот район, так как «притоны разврата» являются «нравственным позором и материальным злом» для обитателей расположенных здесь домов [27].

Жители Красноярска по вечерам часто могли видеть, как проститутки на улицах города назойливо предлагают свои услуги проходящим мимо мужчинам [28].

В губернии либо крайне негативно относились и не хотели принимать публичных женщин как тех, чей статус официально закреплен в законодательстве как профессия, либо же молчали о своем недовольстве, не выказывая эмоций, или пытались свыкнуться с фактом, что на центральных улицах города имеются дома терпимости. Зачастую газетные новости, касающиеся проституток, содержали заголовок «Безобразия», но не как нечто сочувственное или нейтральное. Даже в случаях, когда можно было говорить о «милости к падшим», в статьях все равно содержались негативные слова об этой деятельности. «Милость к падшим» — это термин, который скорее был характерен не для населения, недовольного наличием проституции, а для тех, кого эта тема не касалась либо касалась косвенно.

Атмосфера, царящая среди лиц, занимающихся проституцией, которые, например, делали это либо тайно, либо находились на приисках, способствовала полному разложению личности. Г.М. Герценштейн писал, указывая на обстановку в деревянных постройках, в которых жили проститутки: «Отвратительный воздух, пропитанный запахом табака, вина, а часто и зловонием от находящихся поблизости отхожих мест, дополняет неприглядную картинку» [29]. У таких публичных

женщин была склонность к запоям, зачастую они и вовсе заканчивали жизнь самоубийством.

Итак, если поднадзорная проституция представляла собой четко отлаженный прозрачный механизм, то тайная была явлением непостоянным, с нечетким выражением своей структурности. Тайная проституция в силу своего нелегального положения характеризовалась как огромная группа, не поддающаяся точному исчислению. По данным А.Н. Быковой, тайные проститутки могли вдвое превышать количество явных публичных женщин. Данный вопрос остается дискуссионным.

На основании выявленных данных складывается определенный портрет городской проституции в Енисейской губернии. Занимались ею чаще всего молодые девушки до 25 лет из крестьян и ссыльнопоселенцев, русские, православные, неграмотные, незамужние, имевшие существенные материальные затруднения. На фоне общей либерализации быта процветала тайная проституция. С расширением масштабов использования женского труда возросло и количество женщин, явно совмещающих две профессии, в особенности это касалось модисток, прислуги, ремесленниц. Таким образом, понятие «милость к падшим» все больше обретало социальный смысл. Это позволило найти разумный подход к формам девиантного поведения горожан.

Литература

1. Герценштейн Г.М. К статистике сифилиса в России // Врач. 1886. № 18. С. 335-427.
2. Дело Енисейского губернского управления по прошению мещанина Якова Тимофеева о закрытии и переносе домов терпимости с Садовой улицы на окраину г. Красноярск // ГАКК (Гос. арх. Красноярского края). Ф. 595. Оп. 8. Д. 5606. Л. 6.
3. Сведения о домах терпимости в г. Красноярске // ГАКК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 15.
4. Кискидосова Т.А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан: Бригантина, 2012. 85 с.
5. Стасов В.И. Под Красным фонарем // Сибирская старина: краевед. альманах. 1992. № 1. 11 с.
6. Баранов А.Н. В защиту несчастных женщин (изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова). М.: Тип. В. Рихтер, 1902. 117 с.
7. Герценштейн Г.М. К статистике сифилиса в России // Врач. 1886. № 18. 338 с.
8. Положение об организации надзора за городской проституцией в Империи // ГАКК. Ф. 595. Оп. 23. Д. 107. Л. 7.
9. Сведения о деятельности врачебно-полицейского надзора по борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 57. Л. 38.
10. Сведения о деятельности врачебно-полицейского надзора по борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 57. Л. 38.
11. Донесения, рапорты, ведомости о борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 29 Л. 8.
12. Мартыненко Н.К. Об институционализации проституции в России в середине XIX – XX вв. // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2009. № 16. 5 с.
13. Положение об организации надзора за городской проституцией в Империи // ГАКК. Ф. 595. Оп. 23. Д. 107. Л. 8.
14. Донесения, рапорты, ведомости о борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 612. Оп. 1 Д. 29. Л. 6-16.
15. Сведения о деятельности врачебно-полицейского надзора по борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 57. Л. 38.
16. Донесения, рапорты, ведомости о борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 29 Л. 9
17. Сведения о деятельности врачебно-полицейского надзора по борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 57. Л. 38.
18. Циркуляр Медицинского Департамента о борьбе с венерическими заболеваниями, сведения о мероприятиях, направленных на борьбу с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 97. Л. 76.
19. Донесения, рапорты, ведомости о борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 29 Л. 8
20. Кискидосова Т.А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан: Бригантина, 2012. 85 с.
21. Стасов В.И. Под Красным фонарем // Сибирская старина: краевед. альманах. 1992. № 1. 11 с.
22. Заметка о деятельности Первого Распорядительного стола Донесения, рапорты, ведомости о борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
23. Донесения, рапорты, ведомости о борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.
24. Дело о предотвращении распространения венерических заболеваний в Енисейской губернии // ГАКК. Ф. 803 Оп. 1. Д. 84. Л. 14.
25. Дело Енисейского Губернского управления по прошению содержательниц домов терпимости г. Красноярск об освобождении от уплаты акциза за трактирные заведения // ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 1623. Л. 3.
26. Дело Енисейского губернского управления по прошению мещанина Якова Тимофеева о закрытии и переносе домов терпимости с Садовой улицы на окраину г. Красноярск // ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5606. Л. 4
27. Герценштейн Г.М. К статистике сифилиса в России // Врач. 1886. № 18. С. 338.
28. Красноярский вестник. 1909. № 2. С. 3.
29. Донесения, рапорты, ведомости о борьбе с венерическими заболеваниями // ГАКК. Ф. 612. Оп. 1 Д. 29. Л. 6-16.